Рис. Бор. ЕФИМОВА

Титовцы намерены ввести казнь на электрическом стуле. Электрические стулья будут получены из США.

ОБЛАСКАННЫЙ ПАЛАЧ

Тито: — Любят меня в Америке: руку подали, стул предложили...

КРОКОДИЛ

№ 24 (1314) МОСКВА 30 АВГУСТА 1952 ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXXI ЦЕНА НОМЕРА — 1 р. 20 к.

Вишнёвый сад

Вл. ИВАНОВ

Пётр Петрович в день воскресный
Друга за город сманил:
Сад увидеть расчудесный,
Погулять, набраться сил.
Пётр Петрович этим годом
Стал завзятым садоводом.
Словно с книгою в руках,
Речь повёл он о подвое,
О суглинке, перегное,
Лепестках и черенках.
— Нет! — сказал Петрович с жаром.—
Жить нельзя по меркам старым,
Переделаем мы наш
Хмурый северный пейзаж.
Путь проложим урожаям
Сочных ягод и плодов.
Дела много! Окружаем
Ленинград кольцом садов!
Путь широкий перед нами.
Помяни мои слова:
Богатейшими садами
Будет славиться Нева!
Для берёзы и для ели,
Для осины и сосны
Ни морозы, ни метели,
Как известно, не страшны.
А сегодня — ты послушай! —
Перед нами слива с грушей
Молодой шумят листвой
Над Невой!
Я вишнёвый сад когда-то
Видел лишь на сцене МХАТа,
Привозил его нам МХАТ
На гастроли в Ленинград.
Быть не только под Полтавой
Славной вишенке кудрявой,
И у нас она растёт! —
Улыбнулся садовод.—
Ты как будто ищешь что-то!
— Где-то было тут болото...
Эта местность по войне
Хорошо знакома мне.
Я потом от этой топи
Путь прошёл по всей Европе.
А сейчас хожу, гляжу
И никак не нахожу!..
— Да никак и не найдётся!
Осушили год назад.
Было ржавое болотце,
А теперь вишнёвый сад.
Слива, яблоки, крыжовник,
И малина, и шиповник —
Всё, что хочешь, встретишь тут.
Только... пальмы не растут!..

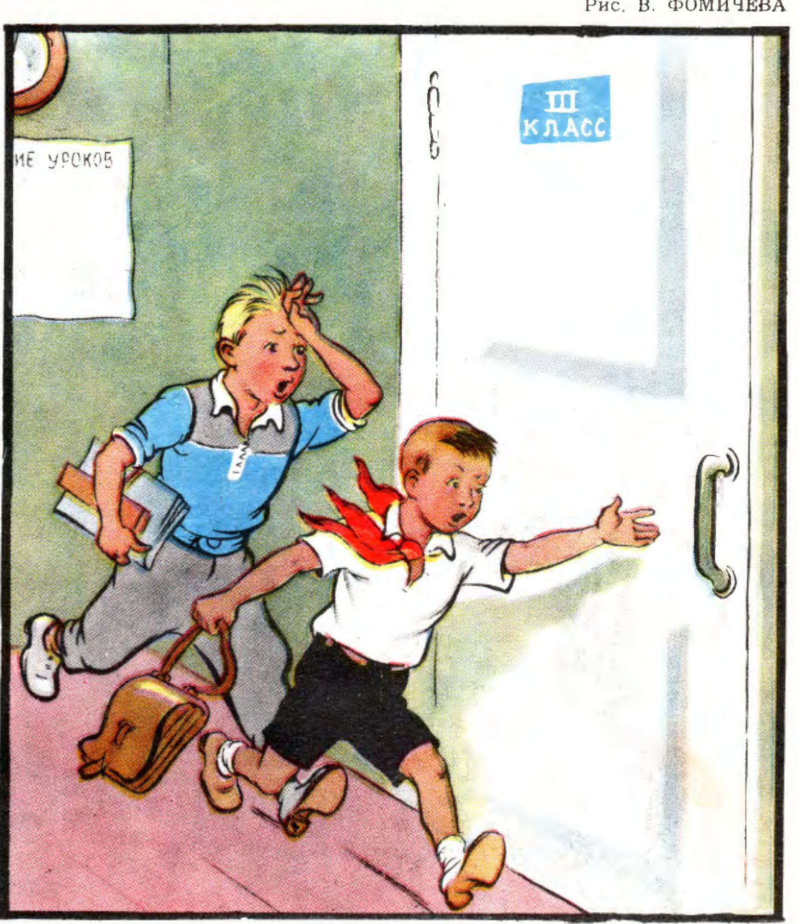
* * *

Север. Запад. Юг. Восток.
Всюду наш размах широк.
Мы точны в своих расчётах
И характером тверды:
Создаём на всех широтах
Необъятные сады.

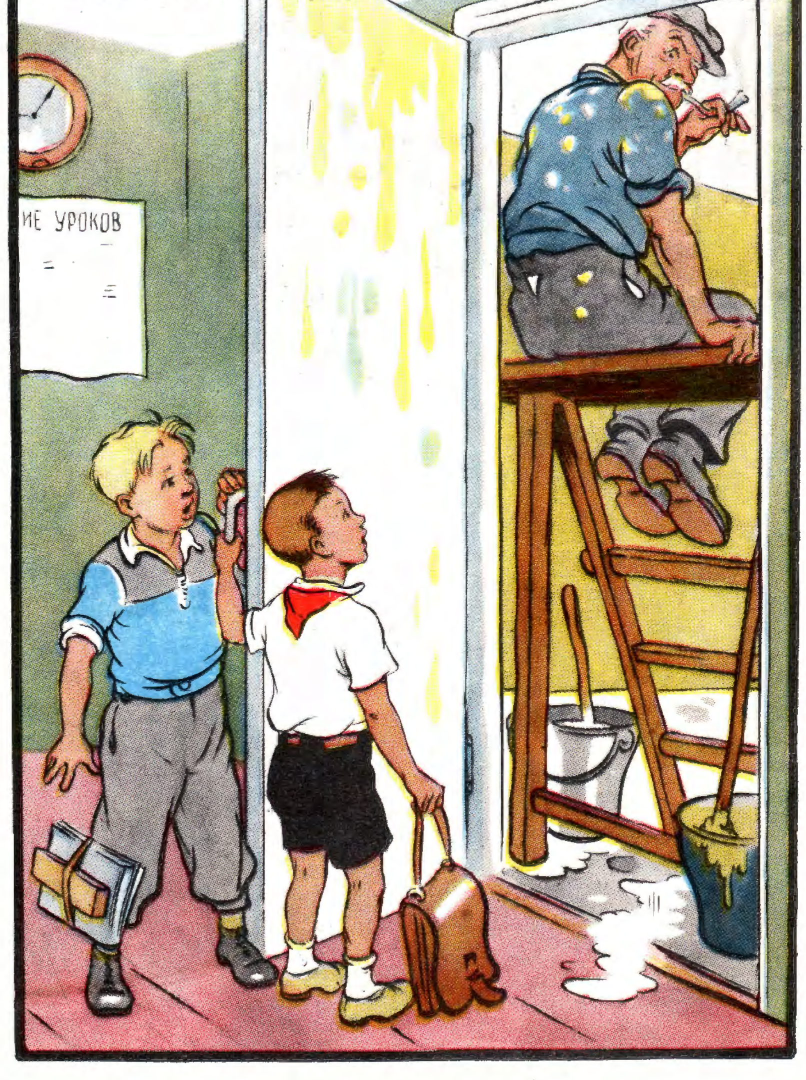
Ленинград.

ОПОЗДАВШИЕ...

Рис. В. ФОМИЧЕВА

— Ой, опоздали!..

— Нет, рано пришли!..

ТРАГИКИ ПОНЕВОЛЕ

В жизни Горьковского театра комедии немало элементов трагического.

Оговоримся сразу: это смешение жанров не относится к его творческой деятельности. Зная, что смех — дело серьёзное, дружный коллектив театра, не жалея сил, работает над созданием интересных спектаклей. Зритель валом валит на его представления. В зале звучит весёлый смех. С довольной улыбкой читают в Москве, в Комитете по делам искусств, творческие отчёты театра.

Шмага из комедии Островского был комиком в жизни и злодеем на сцене. Артисты Горьковского театра, комики на сцене, становятся трагиками в жизни.

Актёры театра недавно испытали на себе превратную судьбу персонажей другой пьесы Островского, «Лес» — Несчастливцева и Счастливцева. Известно, что и тот и другой направлялись на гастроли по своему усмотрению, так сказать, в вольном порядке. Ныне такое неорганизованное передвижение гастролёров запрещено специальным приказом Комитета по делам искусств при Совете Министров РСФСР.

Поэтому ранней весной руководители театра комедии обратились в комитет:

— Пошлите нас на гастроли...

Однако отшумели весенние ручьи, зазеленела травка, а из комитета ни ответа, ни привета. По расчётам местных искусствоведов, за это время Несчастливцев мог бы пешком из Керчи добраться до Вологды.

И вот исполняющий обязанности директора театра направился в комитет.

— Всеми гастрольными делами у нас вершит заместитель начальника управления театров Каплин. Следуйте к нему!

Проследовать к Каплину оказалось не так-то просто. Он появлялся редко, причём за ним тянулся длинный хвост из директоров и художественных руководителей.

— Куда и откуда? — спрашивал Каплин.

— Из Омска в Горький, — отвечали одни.

— Из Вологды в Иваново, — говорили другие.

Только на четвёртый день представитель горьковских комедиантов удостоился его взгляда.

— Следуйте в Брянск! — распорядилось начальство.

В Брянске новоприбывшего встретили радостно:

— Милости просим! Жаждем комедий...

Но тут кто-то вспомнил, что в отделе лежит бумажка из комитета. Разыскали её, прочли: оказывается, в Брянск направляется на гастроли театр из Житомира.

— Маленькая несогласованность, — любезно объяснил Каплин примчавшемуся обратно в Москву руководителю театра. — Поезжайте-ка вы, братец, в Иваново. Плените тамошних зрителей.

В Иваново, так в Иваново! Представитель Горьковского театра комедии немедленно выехал туда. Но, вернувшись за актёрами в Горький, он застал там извещение от председателя Комитета по делам искусств тов. Будаева:

«В Иваново едет театр из Вологды. Ваша гастроль отменяется».

Вероятно, сама Мельпомена не могла предвидеть, что в её ведомстве будет такой хаос по согласованию и отмене согласованных решений. Горьковский театр комедии так и не едет в этом году на гастроли. А для него они необходимы. Прежде всего в Горький вот-вот на лето приедут два новых театра. Получается, так сказать, театральная перенасыщенность. Во-вторых, актёры горячо мечтают о встрече с новым зрителем. Ведь вот в прошлом году с успехом прошли гастроли во Владимире. Были хорошие отзывы зрителей, рецензии в местной печати. А самое главное, у театра в течение целого месяца были нормальные условия для работы.

А это так важно для театра! Вот уже шесть лет он не имеет ни помещения для репетиций, ни постоянной сцены. Правда, налицо многочисленные решения и все возможности выделить театру мало-мальски приличное помещение. Но покуда театру комедии навстречу пошло только... бюро похоронных принадлежностей. Оно позволило театру занять под декорации полсарая. Но туда все декорации не вмещаются, часть приходится хранить под открытым небом.

Часто на берегах Волги театр комедии называют передвижным. Он действительно обслуживает до сорока рабочих клубов. Но передвигается театр по способу пешего хождения. У него нет даже автобуса, хоть и находится он в городе автомобилестроителей.

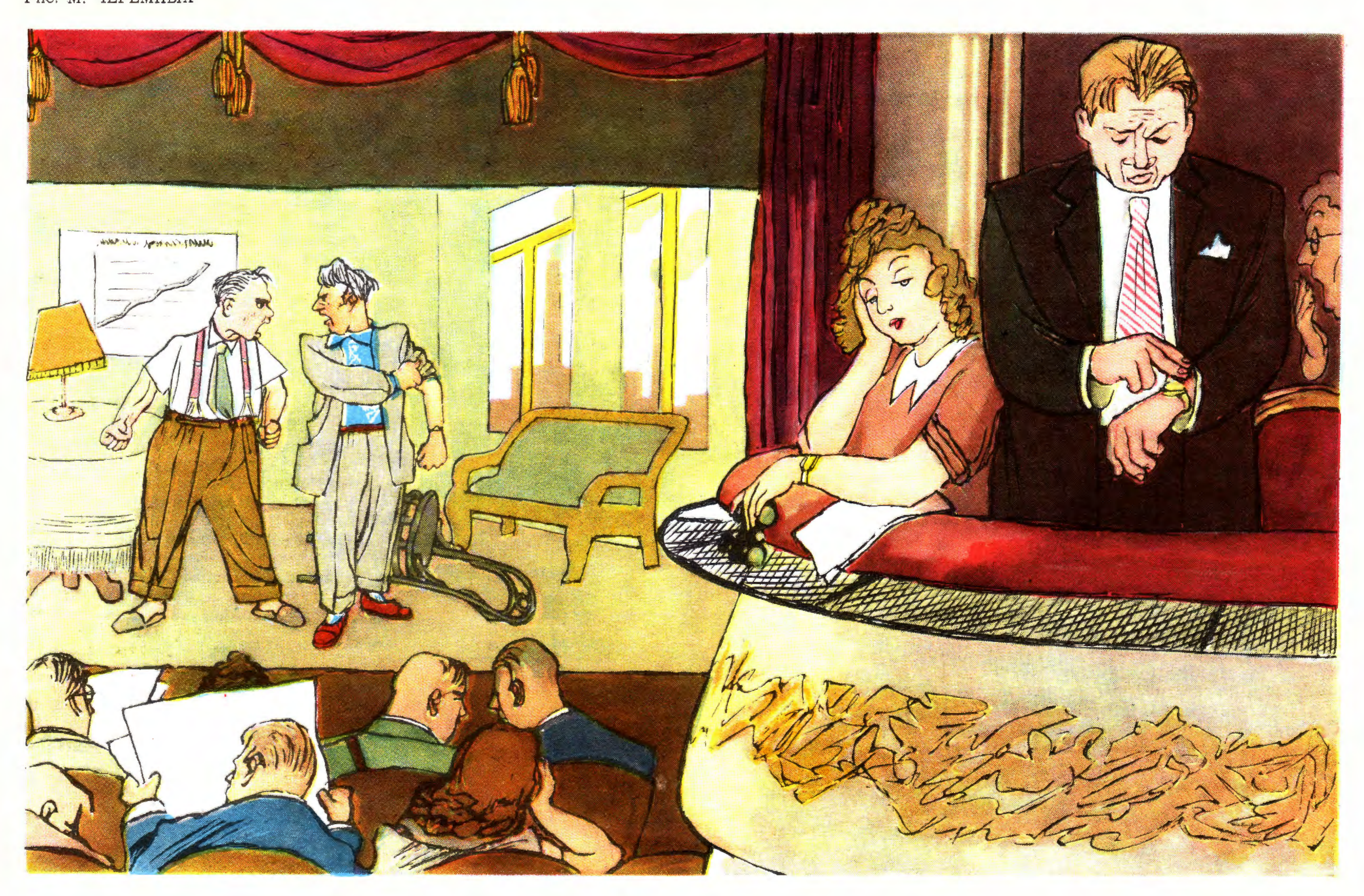
Словом, театр комедии переживает трагедию.

А. ЕРОХИН

г. Горький.

Последнее время некоторые драматурги в своих пьесах подменяют конфликт обилием скандалов.

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

— Скорее бы антракт, ужасно хочется отдохнуть от этих скандалов!..

Иван ГОРЕЛОВ

Иллюстрации Б. ФРИДКИНА

Витенька

Витеньке скучно.

Он только что закончил рисовать вислоухого зайчика с красной, как огонь, морковкой и теперь не знает, чем бы ему заняться.

Рисовал Витенька без охоты, наперёд зная, что никто из домашних не поинтересуется его творением, и поэтому головастый зайчик получился похожим на соседскую собаку Альфу, а морковка напоминала окровавленный меч с зелёною рукояткой.

Всего лишь год назад был Витенька и «цыплёночком», и «лапонькой», и «колобочком». Все в доме жили им, все им дышали. Казалось, что весь мир вертится вокруг него.

Бывало, он ещё в постельке, а уж в спальне топчется вся семья: мама, бабушка, тётя Мариша и высокий, как пожарная каланча, папа.

Витенька нежится ещё на пуховиках с закрытыми глазками, а уж его донимают разноголосым, сладеньким шёпотом.

— Открывай же глазёнки, цыпа. Открывай! — певуче причитает сердобольная, ласковая мама.

— Порадуй нас, ясная зоренька! — чуть слышно шамкает у двери бабушка.

— Иди ко мне, колобочек! Перекатись! — упрашивает папа, протягивая длинные волосатые руки.

Тётя Мариша заботливо надевает на Витеньку тёплую, прогретую на батарее фуфаечку, мама разминает пуховые носочки, а папа, ожидая очереди, держит наготове новенькие синие туфельки.

Затем Витенька, словно мячик, переходит с рук на руки. Один суёт ему шоколадку, другой — калёных орешков, третий предлагает почитать сказочку про козу-дерезу. Он то на коленях, то на шее, то на руках: ножки его за день-деньской едва касаются пола... Быстро пролетает счастливый день, и сон-чародей неслышно смыкает его реснички до следующего радостного утра.

Но золотые денёчки кончились. Как только мама «купила в магазине» эту неугомонную, пискливую Алёнку, стал Витенька и «липучкой», и «приставакой», и даже «назойливой мухой». Правда, до сих пор его именуют всё тем же ласковым словом — «Витенька», но слово это давно уже потеряло свою первоначальную искренность и произносилось теперь без тех душевных интонаций, какие слышались прежде.

Витенька грустно вздыхает, забирает со стола листик с зайчиком-меченосцем и тихонько приоткрывает дверь.

Папа сидит в кресле за письменным столом — видна его спина, обтянутая полосатой пижамой, и огромными ножницами режет свою старую велюровую шляпу.

Вот взобраться бы сейчас на эти плечи да поездить, как бывало, по комнатам, доставая пальцами то округлое медное лицо барометра, то часы.

Но теперь этого делать нельзя: папа тоже стал вечно занятым и сердитым.

— Пап, а пап!.. Почему ты шляпу режешь? — спрашивает Витенька.

Папа нехотя поворачивает голову, не сразу отрывая глаза от своего рукоделья, скупо улыбается:

— Это ты, шалун? Мешать пришёл? Я, братец ты мой, Алёнушке нашей тапочки выкраиваю. Будет скоро по комнаткам чапать: чап, чап!

— Пап, а пап!.. А почему это мой зайчик на володькину Альфу похож? — несмело трётся о кресло Витенька.

— А я почём знаю! Рисовать, значит, не умеешь. Другого нарисуй, — скороговоркой выпаливает папа.

— А ты покажи, как...

— Как, как! Маленький, что ли? Иди! — строго бросает папа, локтем отталкивая Витеньку к двери.

Мальчик робко пятится назад, комкает свой рисунок и плетётся в кухню.

Мама, чистенькая, сияющая, в беленьком кружевном фартуке, стоит у плиты и спокойно помешивает манную кашку. Она долго не замечает Витеньку, пока, наконец, не наступает ему на ножку.

— Ты что, мамуха! — вскрикивает Витенька.

— Это ты бродишь, большун? Ну, чего тебе?

— Мам!.. Мамочка! А почему... почему...

— Ну, вот, започемучкал! — нервно обрывает мама. — Вон какой верзилушка вырос, через два года в школу пойдёшь, а всё почемучкаешь!

— Я спросить хочу: почему тётю Маришу каучуконосом зовут? — обидчиво заканчивает Витенька.

— Кто зовёт?

— Мальчишки.

— Дураки твои мальчишки!

— А Вовка говорит, потому, что она туфли на толстой резине носит.

— Ну, ладно, марш к своему Вовке! Займись чем-нибудь!

Витенька мрачнеет, спотыкается о порог и идёт в спальню.

Алёнка спит. Окна зашторены. Оставлена лишь узенькая щёлочка, сквозь которую падает весёлый пучок солнечных лучей. Тётя Мариша на цыпочках ходит вокруг кроватки, то и дело поправляя узорчатую кисею.

— Тсс! — шипит она по-гусиному, заметив Витеньку. — Ты зачем сюда?

— Не бойтесь, не трону, — шепчет Витенька.

Растопырив руки, тётя Мариша, как привидение, движется на него, намереваясь выдворить из спальни.

Но Витеньке удаётся юркнуть в сторону. Под руки попадается красивая рубчатая ваза для цветов. Он хватает её, приставляет к глазам и, озоруя, смотрит на золотистый солнечный ручей, который струится из-за зелёной шторы. Грани ярко отсвечивают полированным серебром, и по стенам проворно бегают разноцветные «зайчики».

— Сейчас же поставь! Это хрусталь! Понимаешь, голова садовая: хру-сталь! — испуганно лепечет тётя Мариша.

— А почему он не хрустит?

— Кокнешь, вот и захрустит! Поставь! Такой большой, а озоруешь! Кыш!

С минуту Витенька недвижно стоит в полуосвещённом коридоре, затем, пораздумав о своём горестном одиночестве, уходит на улицу.

Уже за полдень. Огромное бронзовое солнце вот-вот коснётся крыши семиэтажного дома, который высится напротив угловатым сундуком. Следом за солнечным колесом ползёт рыжебокая туча, похожая на медведя.

— Витька! Давай в медяки! — кричит смуглолицый Володька, выскочивший из-за угла.

— У меня нет копеек...

— А у матери в сумке? Эх, ты, разиня!.. Ну, ладно. Давай на щелчки. Будешь?

— Буду, — соглашается Витенька.

Он неумело бросает о стенку жёлтенькую монетку, тщетно пытается дотянуться пухлой ладошкой до другой такой же монетки, лежащей на песке, и покорно подставляет противнику свой лоб.

Володька бьёт с азартом, невзирая на возраст случайно подвернувшегося партнёра, смачивает слюной палец, которым лепит щелчки, злорадно улыбается.

— Больно же! — крутит головой Витенька.

— Ничего, закаляйся!..

— Эй, ты, ангел! За что мальчонку истязаешь? — слышится из подъезда басовитый окрик Егора Денисовича.

Володька, испуганно оглянувшись на дворника, хватает пятаки и исчезает за изгородью.

Егор Денисович парусиновым фартуком сметает край скамейки, чинно усаживается и достаёт из кармана горсть земляных орехов, похожих на маленькие кувшинчики.

— Милости прошу к нашему шалашу! — зовёт он Витеньку. — Иди, фисташками ядрёными угощу! Сладкие, как горох.

Витенька, обрадовавшись ласковому слову, стремглав летит к Егору Денисовичу, которого он долгое время считал настоящим дедом Морозом, усаживается рядышком на чистое местечко, и они долго грызут орехи, молча наблюдая жизнь городской улицы. Мимо один за другим гуськом проходят трамваи.

— Дедушка Егор, а почему трамвай едет? Без лошадей, а едет? — любопытствует Витенька, пытливо заглядывая в добрые глаза Егора Денисовича.

— Почему?.. Очень просто, мил человек: прёт по рельсам, да и шабаш, — сбивчиво отвечает старик.

— А почему прёт?

— Вот чудак человек!.. Видишь вон тот железный ящик? У вожатого под рукой?.. Вот в нём махонький такой чёртик сидит, горбатенький, с железными ножками...

— Ишь ты! — всерьёз восхищается Витенька.

— Чиркает этот чёртик ножками по шестерёнке, а она, шельма, крутится. Слышишь, как дребезжит?

Повеяло прохладой. Туча закрыла уже полнеба и крутым козырьком свисает над частоколом антенн. В отдалении слышится глухая барабанная дробь грома.

— Дедушка, что это? Почему гремит? — боязливо ёжится Витенька, вплотную пододвигаясь к Егору Денисовичу.

— Старые люди говорят, будто Илья-пророк на огненной колеснице по небу катается. По-теперешнему: в командировку едет, — смеётся старик. Сощурив по-степному глаза и склонив набок волосатую голову, он долго озирает окрестности и сообщает: — Будем сматываться, сынок! Сейчас этот Илья таким дождиком хлестанёт, держись только! Вот как я из шланга. Давай провожу тебя, сердечный...

Он осторожно берёт Витеньку на руки и несёт через весь двор в крайнее парадное. Асфальт пятнают первые крупные капли дождя.

— Опять «сироту» нянчили, Егор Денисович? — слышится шутливый голос лифтёрши.

— Приходится, милая...

Проводив Витеньку и осмотревшись вокруг, Егор Денисович поясняет полушёпотом:

— Вот, скажи на милость, семья! У Кравцовых четверо, и каждому из них мать с отцом уделяют внимание. А этим Алёнка весь свет загородила. И люди вроде не глупые: он в институте работает.

В прихожей унылая тишина. Все в детской: Алёнка проснулась. Мама бежит за чем-то в кухню и натыкается на Витеньку.

— Ах, Витенька! Ты ведь ещё не ужинал... Ну-ка за стол, быстренько!

Витенька долго жуёт сухие, словно деревянные, коржики, пьёт молоко и таинственно сообщает маме:

— А в трамвае чёртик сидит. Малюсенький такой, ножки железные...

— Что ты мелешь! Какой чёртик?

— Честное слово, сидит!.. А по облакам, знаешь, кто гремит? Дедушка один на пожарной машине. Он и дождик делает...

— Перестань! Кто тебя научил этой чепухе? Мал ещё про такие дела рассуждать!

— И вовсе не мал, а большой! Ты же сама говорила!.. И не любите вы меня за то, что большой. Писклю свою курносую любите! — гневно выкрикивает Витенька, едва сдерживая подступившие к горлу слёзы.

Успокоившись, он идёт к своей кроватке, но на ней целая гора алёнкиных кукол, медвежат и погремушек. Подушки нет, ватная перинка взбита комом. Осмотревшись вокруг, Витенька одиноко садится в кресло и, запрокинув голову, долго смотрит на расписанный маками потолок. Смотрит и мечтает: хорошо бы позвать сейчас дедушку Егора. Он бы и сказочку рассказал и смешной прибауткой порадовал.

Из смежной комнаты доносится монотонная восторженная воркотня, которая быстро убаюкивает Витеньку.

И видится ему широкая, как поле, улица, выстланная рыхлыми облаками. По облакам, словно по вате, степенно расхаживает дедушка Егор. Из прозрачного шланга, который он держит над головой, радужно бьёт дождевой фонтан. Крупные, как орех, капли с ветром залетают в открытое окно и падают на Алёнку, на маму, на тётю Маришу. А они спят, как ни в чём не бывало. Витенька, не раздумывая, вскакивает на подоконник и закрывает окно.

Над самым ухом слышится треск грома, и мальчик испуганно открывает глаза. Оказывается, мама свалила нечаянно железный тазик.

— Мамочка! Мама! Позови сюда дедушку Егора!.. Позови его! — взволнованно упрашивает Витенька.

— Что ты, мальчик! Зачем он тебе? — слышится из полумрака.

— Пускай он... мою постельку... разберёт.

Мама зажигает свет, видит сына, уснувшего в кресле, ворох игрушек на взбитой постели, и краска стыда ощутимо заливает её щёки.

Рис. В. ВАСИЛЬЕВА

В плохом состоянии находятся сельские дороги в Клетнянском, Выгоничском, Гордеевском и ряде других районов Брянской области.

— Пока довезут до ссыпного пункта, всю душу вытрясут!..

Пожалуйте в ПЬЕСУ!

Некоторые работники отделов кадров утверждают, что для познания человеческой души нет лучших прожекторов, чем анкета и личный листок учёта. Ответы на все вопросы изложены в них чётким, разборчивым почерком. А если к тому же приложены справки с красивыми подписями и печатями, чего ещё можно желать?

Попади к таким работникам анкета прославленного враля барона Мюнхгаузена, они не усомнились бы ничуть в его приключенческо-трудовой деятельности. И не исключено, что они направили бы его как несравненного охотника в контору «Заготпушнины». В противовес им некоторые легкомысленно считают анкеты пустой формальностью и не требуют вообще никаких документов. Они предпочитают проникать в тайники чужой души путём личной беседы и во всём полагаться на свою интуицию.

Совместить анкету с беседой им просто невдомёк. Им трудно понять, что не следует слепо доверять анкете, — нужно её и проверять.

Когда заместителю председателя Новосибирского областного потребсоюза П. Г. Шабалину стало известно, что работник Болотнинского райпотребсоюза Бартош проворовался и осуждён на двадцать лет заключения, Пётр Григорьевич очень удивился. А узнав, что у Бартоша это уже вторая судимость, Шабалин всплеснул руками и воскликнул:

— Ну кто бы мог подумать? Правду, значит, говорят: чужая душа — потёмки!..

И было чему удивляться. Ведь ещё совсем недавно Шабалин писал заместителю председателя Болотнинского райпотребсоюза:

«Направляю к вам тов. Бартоша и рекомендую использовать его товароведом. Он может даже согласиться работать председателем сельпо. Вполне надеюсь на этого товарища, как на работоспособного, знающего торговое дело хорошо, честного, добросовестного, полагаю, он будет первым помощником во всех делах торговли».

Когда Бартош помог облегчить кассу Черновского сельпо на 48 тысяч рублей, его поймали и осудили. А Шабалин остался безнаказанным. Считали, видите ли, что этот опытный сердцевед просто ошибся. Ведь ошибаться может всякий. Конь о четырёх ногах, и тот спотыкается. Надо думать, теперь он будет умнее и не ограничится одной беседой, а потребует все до одного документа и досконально их изучит.

...У гражданки Зокис документы были в полной исправности. Она заведовала магазином, и руководитель Рижского промторга Василий Михайлович Зибров, коммерческий директор Анатолий Иванович Исаков и начальник торгового отдела Михаил Григорьевич Ариевич — все не чаяли души в Александре Фрицевне. За пять лет работы в торге у неё не было ни одного замечания.

Тридцать два раза за пять лет ревизовался магазин — и ни пылинки на балансе, ни соринки на денежных отчётах не было обнаружено. Награды, премии, благодарности так и сыпались на директора. 24 поощрения получила Александра Фрицевна за пять лет! Её имя красовалось на доске почёта. Торг представил её к награждению «Значком отличника».

Зокис работала, по установившемуся общему мнению, не покладая рук. Она самоотверженно отказывалась от очередных отпусков и ещё больше выросла в глазах начальства.

Слава о Зокис как об отличнице бежала за ней по пятам. Бежала, пока не споткнулась об очередной, тридцать третий акт ревизии. На сей раз пришли ревизоры не из Рижского промторга, а другие. Они обнаружили, что Зокис за пять лет расхитила множество товаров. Без малого на полмиллиона!

Слава, созданная руководителями торга вокруг Александры Зокис, оказалась дутой. Как выяснилось, Зокис потому именно и не пользовалась отпусками, что боялась проверок, связанных с передачей материальных ценностей магазина другому лицу. А поражённые её ослепительной славой, оглушённые шумихой вокруг её имени промторговские ревизоры тридцать два раза дали себя одурачить! Не вникая толком в дело, они составляли акты ревизии... со слов самой Александры Фрицевны.

Зокис займёт, конечно, своё место на скамье подсудимых. А руководители Рижского промторга, чего доброго, на очередном собрании займут места в президиуме. И будут сокрушаться:

— Ведь этого никто и подумать не мог! Ох, правда: чужая душа — потёмки!..

...Порою между работниками, ведающими кадрами, и самими людьми, имеющими все основания скрывать своё порочное прошлое, происходит своеобразный поединок.

Гавриил Матвеевич Клёнкин предпочитал не вступать в подобное ратоборство и потому сам осветил свою душу. Грамотному работнику отдела кадров достаточно было взглянуть на анкету Клёнкина, чтобы всё сразу стало ясно. Клёнкин уверял, что окончил грозненский рабфак при «нефтяном инстетуте», а вслед за тем — московско-таганский заочный строительно-экономический «инстетут». Никаких дипломов у Клёнкина, конечно, не было и не могло быть. Но ему верили на слово и принимали анкетные данные за чистую монету.

Судьба забросила Клёнкина, вдохновляемого погоней за длинным рублём, на стройку в Среднюю Азию. Здесь ему тоже поверили на слово, а когда его невежество в строительном деле стало очевидным, заинтересовались, какой же «инстетут» выпускает таких доморощенных специалистов, и без особого труда установили, что никакого московско-таганского строительно-экономического института в природе и не существует.

Казалось бы, тут и конец карьере Клёнкина. Но Клёнкин не сдался. Во все концы полетели письма. Клёнкин разоблачал непорядки на стройке и предупредительно просил не разглашать его фамилию. Иначе, мол, ему за критику житья не будет.

Представители министерства срочно выехали на стройку. При тщательной проверке ни один из фактов, сообщённых Клёнкиным, не подтвердился. И хотя его фамилия как автора писем нигде не разглашалась, Клёнкин стал бить во все колокола, уверять, будто его преследуют за критику, но он этого так не оставит. И те, кто выживает его со стройки, горько пожалеют...

Проходимец на страже справедливости и закона, пройдоха в роли жертвы критики — разве не персонаж для комедии?!

Бартош, Зокис, Клёнкин так и просятся в пьесу. А вместе с ними пусть предстанут перед народом и те, что не видят за анкетой живого человека и поклоняются анкете, словно первобытные дикари деревянному истукану, и те, что, наоборот, принципиально чураются анкет, точно чёрт ладана.

Е. ВЕСЕНИН

Рис. Вл. ДОБРОВОЛЬСКОГО

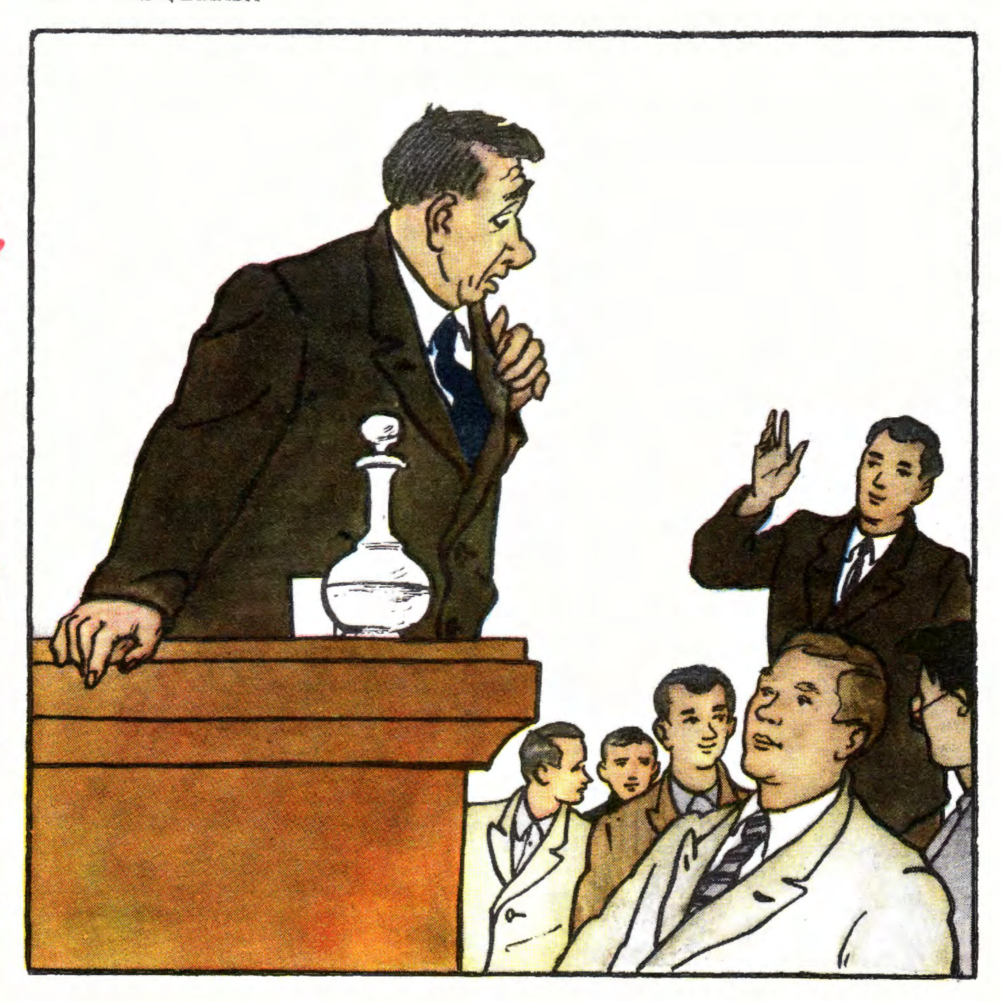

— С делом не справляется, план не выполняет!.. Зачем его держат?

— Приходится держать, потому что его поддерживают!..

Рис. Г. ПИРЦХАЛАВА

— Критику считаю правильной, обещаю ошибки исправить.
— Вы уже двадцать раз обещали!..
— И эту критику считаю правильной! Обещаю и эту ошибку исправить!..

Кочующий ковер

Б. СЕЙРАНЯН

Шелкотканный этот ковёр попал в село Баралети из Тбилиси. Затем его преподнесли секретарю Ахалкалакского райкома партии Георгию Ильичу Миханашвили. Своим дорогим подарком председатель баралетского колхоза Геворк Дарбинян хотел снискать вечную любовь товарища Миханашвили.

Дарбинян нуждался в благосклонности секретаря райкома, как рыба в воде. Ведь сам он, в свою очередь, тоже весьма благосклонно и дружественно относился к таким мелким воришкам, жуликам и расхитителям, как бывший заведующий складом О. Баданян, как нынешний завскладом А. Баданян, и многим другим, которые и по сей день по мере своих сил и возможностей расхищают колхозное добро.

Да, Геворк Дарбинян мечтал о нежной дружбе с Георгием Ильичом! Ради такой дружбы не жаль было и десяти ковров. Да так и быть: пусть хоть один, но самый лучший!

Слава богу, такой ковёр нашёлся! Большая заслуга в этом принадлежала заведующему районным статистическим управлением П. Меляну. Он специально был командирован в Тбилиси. Долго ходил товарищ Мелян по комиссионным магазинам, смотрел, выбирал, привередничал, пока наконец не сказал:

— Вот этот ковёр действительно достоин Георгия Ильича! Заверните его в парчу. И упаковка должна ласкать начальственный взор.

Так шитый шёлком ковёр попал в Баралети.

Товарищ Миханашвили был растроган до глубины души. Принимая богатый дар, он дважды прочувствованно благодарил председателя колхоза. Совесть секретаря райкома ничем не была потревожена. Ведь подарок был преподнесён от чистого сердца! Не может же он запретить председателям колхозов выражать свою любовь и уважение!

Говорят, первое время Георгий Ильич любил возлежать на этом ковре. Он охотно засыпал на нём. И тогда товарища Миханашвили посещали хорошие сны.

Но однажды задремавшему на ковре секретарю приснился очень скверный сон. Быть может, это произошло потому, что тов. Миханашвили накануне узнал о судьбе И. Луарсабова. Секретарь соседнего, Богдановского райкома партии И. Луарсабов был снят с работы с серьёзным партийным взысканием за пристрастие к подаркам и подношениям. Проснулся Георгий Ильич в холодном поту. И тут же решил, пока не поздно, освободиться от роскошного ковра.

Товарищ Миханашвили запаковал подарочек, кликнул заместителя директора МТС Аршалуиса Мамуляна и приказал снести свёрток в Баралети.

Смеркалось. Измученный ношей, Мамулян, пошатываясь, вошёл в контору колхоза. Он молча бросил ковёр на стол председателя. Геворк Дарбинян онемел.

— Товарищи, — сказал он сидящим здесь бригадирам, когда обрёл дар речи. — Вернули нам коврик. Отрёкся дорогой Георгий Ильич от подарка.

Бригадиры удивлённо переглянулись.

— Печальный настал для нас день, — скорбно продолжал председатель. — Разделим же вместе эту печаль... А что теперь делать с ковром? Кому его подарить? Может быть, кто-нибудь из вас хочет получить его? Выходи вперёд!

Присутствующие попятились.

— Тогда придётся обсудить этот вопрос, — сказал председатель, закрывая дверь.

Мы не знаем, что решило совещание. Одно нам доподлинно известно: ночью ковёр был подброшен через окно в дом одного колхозника. Утром колхозник взял ковёр подмышку и притащил в контору.

— Получайте! — сказал он, бросая его на стол председателя. — В таких подарках я не нуждаюсь!

Следующей ночью ковёр попал в дом к другому колхознику, но и там не нашёл себе убежища. И, вероятно, долго бы ещё бродил шелкотканный ковёр по селу, если бы председатель колхоза не заключил его в сейф.

Сколько теперь пробудет украшенный розами ковёр в своей стальной темнице, никому в Баралети не известно.

Сокращённый перевод с грузинского.

НА ВЫСТАВКЕ АМЕРИКАНСКОГО «ИСКУССТВА»

Рис. К. ЕЛИСЕЕВА (По теме В. Мальковой, п. Полотняный завод, Калужской области)

— Оригинальная трактовка! Смелое решение темы. Скажи, милейший, кто автор этой картины!
— Это не картина, сэр, это вентиляция!..

Племянник из провинции

Веслав Леон БРУДЗИНСКИЙ

У нас побывала двоюродная сестрица из Клапчева. В разговоре она, между прочим, сказала:

— Пришлю к вам Стася. Покажите-ка ему Варшаву, пусть мальчуган немного развлечётся.

Когда я в последний раз видел Стася, он был просто комочком крика, обмотанным в пелёнки. Так что я немного удивился, застав у себя дома умеренно костлявого молодого человека с приличным загаром и застенчивым видом. Он учтиво пожал мне руку, расшаркался перед моей супругой, раза два шмыгнул носом и приткнулся на краю стула.

Я спросил его о матери, о сёстрах. Он отвечал неохотно, не сводя глаз со стоящего в углу радиоприёмника.

— Это радио,— объяснил я ему.— Такой ящик, который играет без проводов, с помощью волн. Можно поймать различные станции — Монте-Карло, Милан...

— Милан? На этой старой рухляди? Боюсь, что вы, дяденька, даже Праги не поймаете. Нет движка, шкала устарела... Приделать рукоятку — и можно пойти с ним по дворам.

Я был возмущён до глубины души. Почтенному трёхламповому «Филипсу», конечно, было не меньше десяти лет, но для этакого провинциала он должен был считаться чудом техники.

— Коротких волн вообще нет,— продолжал между тем развивать свои критические замечания племянник.— Какой толк в этом приёмнике! Продать бы его да купить, например, «Агу» или «Теслю». У нас на заводе есть «Ага» с адаптером.

— Пойдём-ка прогуляемся по городу,— поспешно предложил я.

Гость охотно согласился.

— Мы поедем на автомобиле,— объявил я торжественно, когда мы подошли к стоянке такси,— на настоящем автомобиле! Ты когда-нибудь ездил на автомашине?

Но гость не отвечал. Он стоял перед машиной и деловито рассматривал её. Шофёр как раз поднял крышку капота и возился с мотором.

— Как же это вы,— укоризненно сказал он шофёру,— на «Супер» поставили мотор от «Олимпии»?

— А что же,— ответил шофёр,— надо экономить бензин.

— Правильно, но не лучше ли было бы поставить ограничители? Впрочем, два литра на сотню километров...

Наконец мы двинулись.

Проезжаем мимо заканчивающейся стройки. Быстро работают кровельщики, поминутно мелькают в ещё не застеклённых окнах монтажники и маляры.

— То, что ты видишь,— объяснял я Стасю,— это — соревнование скоростников. Наши варшавские темпы. Тебе это, конечно, трудно понять. Соревнование скоростников— это, как бы тебе сказать...

— А я участвую в молодёжном соревновании. Контролёр принял от меня четырнадцать моторов без единого замечания. Вы ещё не знаете, дядя, ведь я работаю автомобильным механиком в ремонтных мастерских,— добавил он.

— М-да... всё равно этот дом должен быть для тебя новинкой. Это — опытное строительство, образец для всей Польши. Понимаешь ли, речь шла о том, с какой скоростью можно построить стены. Не знаю, сколько именно дней это продолжалось, но, как я уже сказал, дело в том, чтобы...

— Скоростная стройка,— коротко сказал Стась.— Начата 19 августа, вчерне готова 1 сентября. Кубатура — 7 415 метров, 3 этажа, 96 комнат. А знаете ли вы, дядя, мировой рекорд скорости укладки стен? Сколько кирпичей в час кладёт тройка каменщиков?

— Кгм... Кхе... Послушай-ка, не хочешь ли съесть порцию мороженого? У нас отличное мороженое!

Мы остановились перед кафе. Но спокойствие, оказалось, куплено ненадолго. Мороженое было мгновенно проглочено, и пришлось снова выйти на улицу.

— Что это?— заинтересовался молодой человек.

— Театр, — оживился я, чувствуя более твёрдую почву под ногами. — У нас в Варшаве есть несколько вновь выстроенных театров. Это, например, народный театр.

— На сколько мест?— вкрадчиво спросил он.

Я снова оказался на мели.

— Пожалуй, на тысячу.

Племянник присвистнул и как бы с неохотой сообщил:

— Когда я ездил с экскурсией передовиков труда в Чехословакию, то там мы видели театр на две тысячи шестьсот мест. Дяденька, а вы знаете, как называется самый большой театр в Праге?

— Разумеется, знаю.

— Ну как?

— Что значит «ну»? Что это за «ну» такое? Как ты смеешь меня понукать, сопляк ты эдакий? Ты не знаешь, как разговаривать с дядей?

— Я не хотел вас обидеть, дяденька, — сказал он опечаленно.— Просто мне было интересно знать, слышали ли вы о чешском писателе Тыле, пьесу которого я видел в этом театре.

Тут я решил идти напролом. Будь что будет!

— Слышал ли? Отлично его знаю! Только что говорил с ним по телефону.

— Да ведь он давно умер!

— Но жив его... этот... внук. Впрочем, почему ты интересуешься только иностранной литературой? Занялся бы лучше отечественной...

— Угу. Я как раз хотел спросить, понравился ли вам роман Гуркевича «Приключение на полюсе».

— Гуркевич никогда не писал такого романа! Так-то ты интересуешься польской литературой!

— Странно. Когда он устраивал у нас творческий вечер, то говорил, что скоро выпустит такую книжку, даже читал нам отрывки... Дядя, а вы знаете, сколько градусов мороза на полюсе?

— Может быть, ты и там побывал?— съехидничал я.

— Нет,— печально потупился он,— но я читал об этом в газете. У нас в читальне есть все газеты.

Чёрт возьми! Так больше не могло продолжаться. Я решил занять позицию, на которой имел определённый перевес.

— Не болтай много! Садись на трамвай. Ты уже три часа в Варшаве, а до сих пор не видел магистрали Восток — Запад! Поедем на магистраль, и я покажу тебе вещи, о которых ты никогда в жизни не имел понятия.

Трамвай выгрузил нас за туннелем. Мы поднялись наверх.

— Вот,— сказал я,— эта колонна — памятник королю Зигмунду.

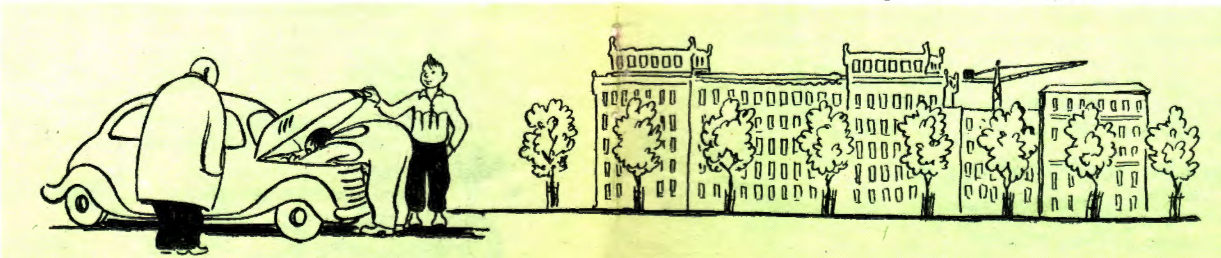
— Построена в 1644 году под руководством Константина Тенкаля. Резьба на пьедестале работы Клементе Молли. Дважды обновлялась. Уничтожена в 1945 году; 22 июля 1949 года торжественно открыта вновь,— скороговоркой добавил Стась.

Я сдался.

А вечером прохожие могли видеть на магистрали Восток — Запад лысоватого субъекта, которого (за пуговицу!) водил молодой паренёк, деловито внушая:

— Этот экскаватор, дяденька, изготовлен в Советском Союзе. Конструкцию его впервые применили...

Перевёл с польского А. ТИМАШЕВ

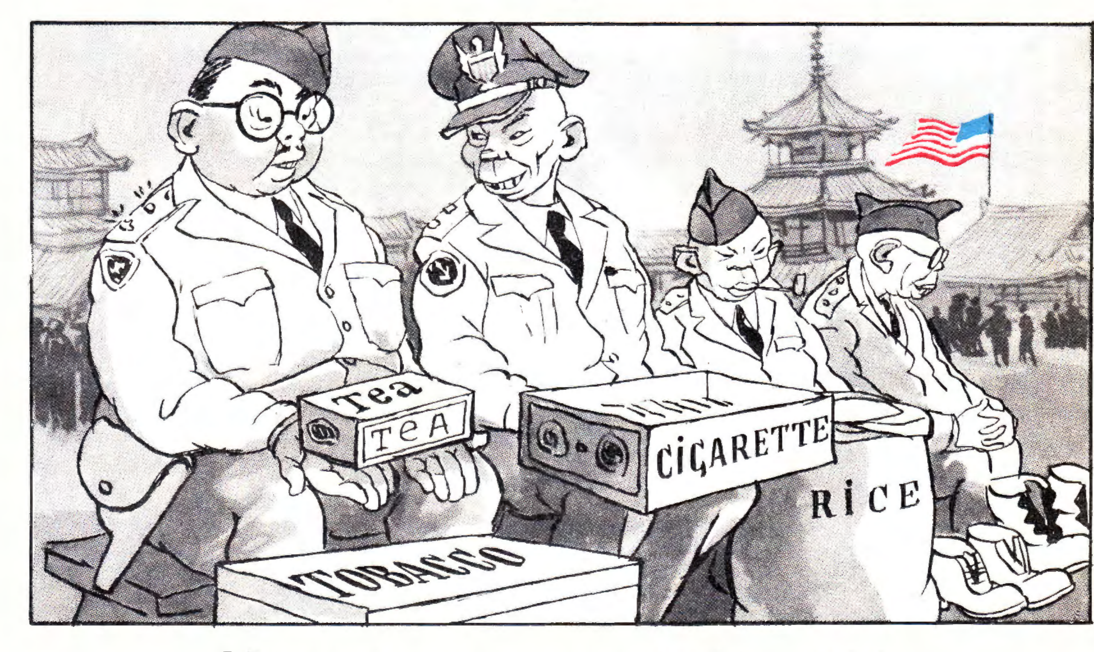
ТАБЕЛЬ О РАНГАХ,
или
РАЗВИТИЕ ТОРГОВЛИ В ЮЖНОЙ КОРЕЕ

Рис. И. СЕМЕНОВА

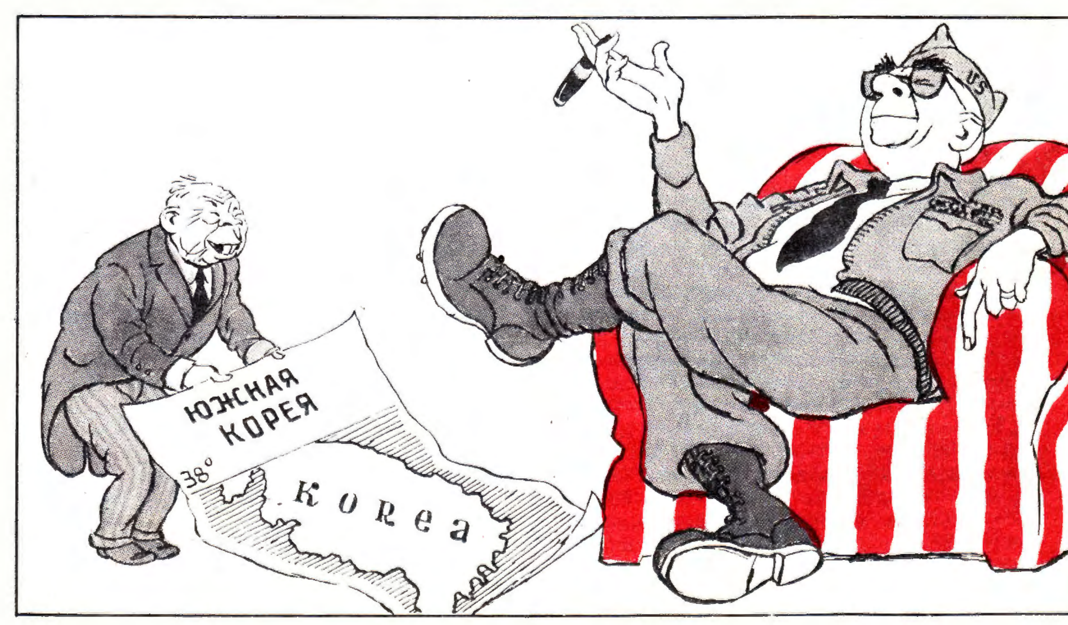
Солдаты и офицеры лисынмановской армии грабят местное население, грабят друг друга и всё краденое сбывают на чёрном рынке.

Солдаты торгуют вещами, украденными у населения.

Офицеры торгуют вещами, украденными у солдат.

А Ли Сын Ман — всеми оптом.

Вилли ЛЕЙ

Пять скворцов

ШУТОЧНАЯ ПЕСЕНКА СТРОИТЕЛЕЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО БЕРЛИНА

С африканских берегов
Прилетело пять скворцов:
— Мы давно уж не видали,
Чтобы здесь дворцы стояли!

— Что ж тут странного, скворцы?
Как грибы, растут дворцы!
Былью стала небылица —
Из руин встаёт столица.

Мы вас просим оглядеть
Перед тем, как улететь,
Окна новых магазинов...

Подивитесь, клюв разинув,
На прекрасные мосты
Небывалой красоты!
В ресторане придорожном
Угостим мы вас пирожным!..

И ответили все пять:
— Не хотим мы улетать!
Остаёмся мы отныне
Навсегда у вас, в Берлине!

Перевёл с немецкого
Лев ГИНЗБУРГ

КОММЕНТАРИИ НЕ ТРЕБУЮТСЯ

Как выглядит свобода печати в Соединённых Штатах Америки? На этот вопрос отвечает статья Губермана, опубликованная в газете «Дейли компас». Вот что пишет хорошо осведомлённый американский журналист:

«Каждый год редакторы и издатели со всей страны собираются на неделю, чтобы превозносить нашу «свободу печати». И каждый год, когда я читаю подробные отчёты об этих посвящённых самовосхвалению сборищах, я не могу не вспоминать о другом таком сборище, когда случилось нечто необычное. Один оратор вместо того, чтобы преподносить своим слушателям обычные скучные и надуманные общие места, сказал правду.

Имя этого человека — Джон Суинтон. Он был главным редактором газеты «Нью-Йорк таймс» и помощником редактора нью-йоркской газеты «Сан» Чарльза Дана. С 1883 по 1887 год он издавал свою собственную газету. На банкете, устроенном в его честь коллегами-редакторами, он (Суинтон) заявил:

«В Америке нет свободы печати, если не считать небольших городков. Мы с вами знаем это. Никто из вас не осмеливается откровенно изложить своё мнение, а если вы это сделаете, то вы знаете заранее, что это никогда не появится в печати.

Мне платят 150 долларов в неделю за то, чтобы я не излагал честно моё мнение в газете, в которой я работаю. Вы также получаете подобное вознаграждение за то же самое, и любой из вас, у кого хватило бы глупости написать откровенно о том, что он думает, оказался бы на улице в поисках работы.

Нью-йоркский журналист должен искажать правду, открыто лгать, извращать факты, поносить людей, пресмыкаться у ног Маммоны, продавая свою расу и свою страну за кусок хлеба.

Нам с вами это известно, и глупо прославлять «независимую печать». Мы — орудие и вассалы богачей, действующих за кулисами. Мы — марионетки; они потянут за верёвочку, и мы танцуем. Наши таланты, наши возможности и наша жизнь — всё это является собственностью других людей. Мы — интеллектуальные проститутки».

Это жестокие слова, но они были справедливы тогда, и они справедливы сейчас. Наша столь восхваляемая свобода печати означает свободу для богачей владеть газетами и навязывать общественному мнению картину мира, как они его видят, — глазами крупного капитала. Ни один закон не лишает печать США свободы. Но в этом и нет необходимости. У рабочих нет денег, чтобы покупать и издавать газеты. У богатых они есть. Поэтому новости, получаемые нами, искажены, изуродованы и искромсаны в пользу богатых и против бедных.

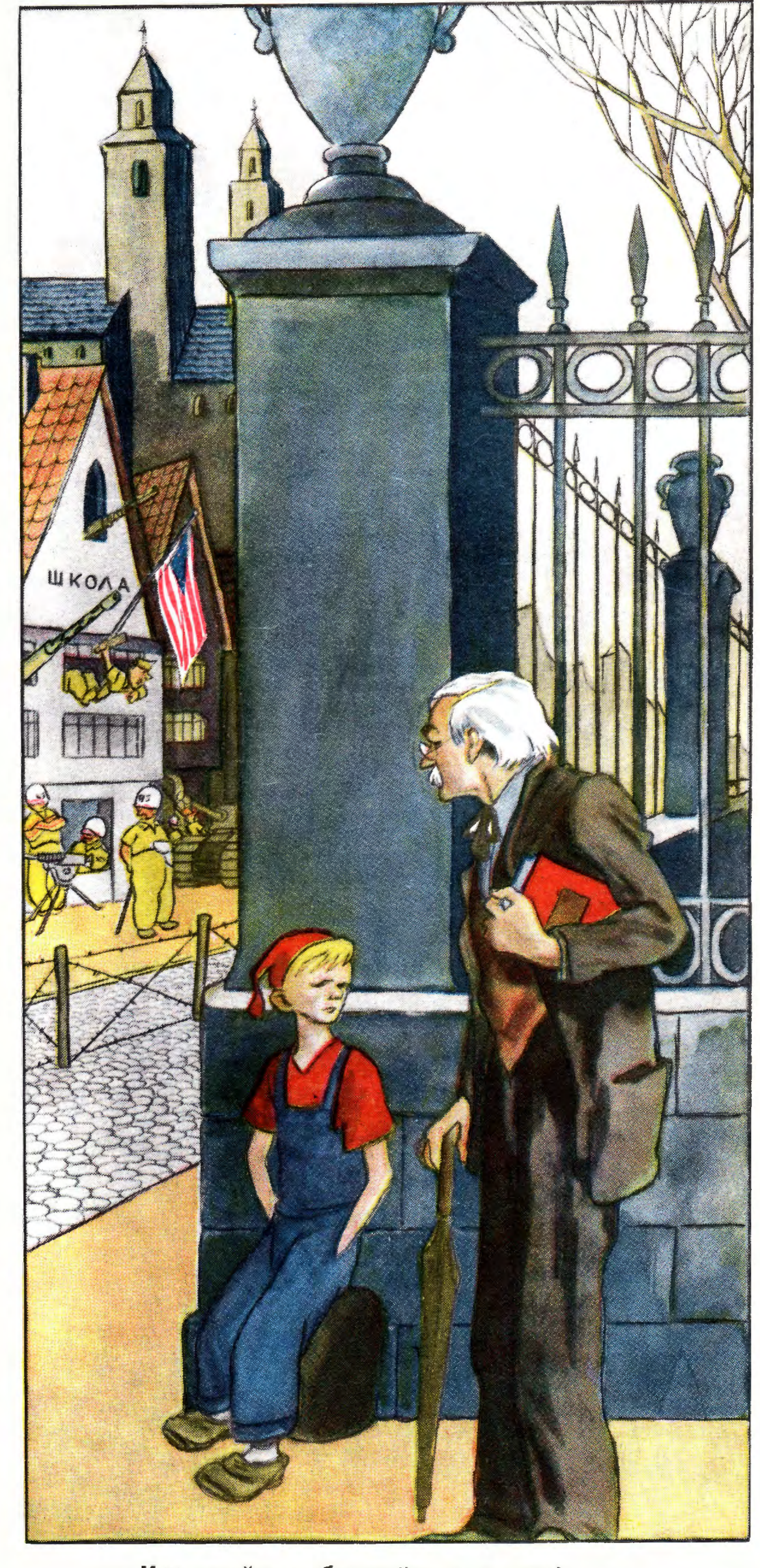
Может быть, это — чрезмерное упрощение? Проверьте это на любой национальной проблеме, затрагивающей положение рабочего класса, на происходящей забастовке сталеплавильщиков, на забастовке, которая начнётся завтра в любой отрасли промышленности; на налогах, которые должны платить богатые и бедные; на внешней политике, которая ведёт к войне или к миру. Присмотритесь к линии печати. Газеты, находящиеся на стороне рабочего класса, можно пересчитать по пальцам. Все остальные на стороне тех, с кем они связаны в финансовом отношении и к кругу которых они принадлежат. Утешением для нас может служить тот факт, что многих, если не большинство, американцев нельзя далее дурачить благородно звучащими, напыщенными фразами о «свободе печати», которые доносятся из отеля «Вальдорф-Астория» в течение недели, посвящённой печати.

Я не стал бы поднимать этого вопроса, если бы я не вспомнил — и не без удовольствия — о Джоне Суинтоне».

НОВЫЕ ВРЕМЕНА

Американцы в Западной Германии превращают в казармы школы, приюты для престарелых и детские сады.

Рис. Бориса ЛЕО

— **Как пройти в ближайшую школу?**
— **Не могу сказать, теперь это военная тайна.**

„ПАРА ГНЕДЫХ ...“

(ПО АПУХТИНУ)

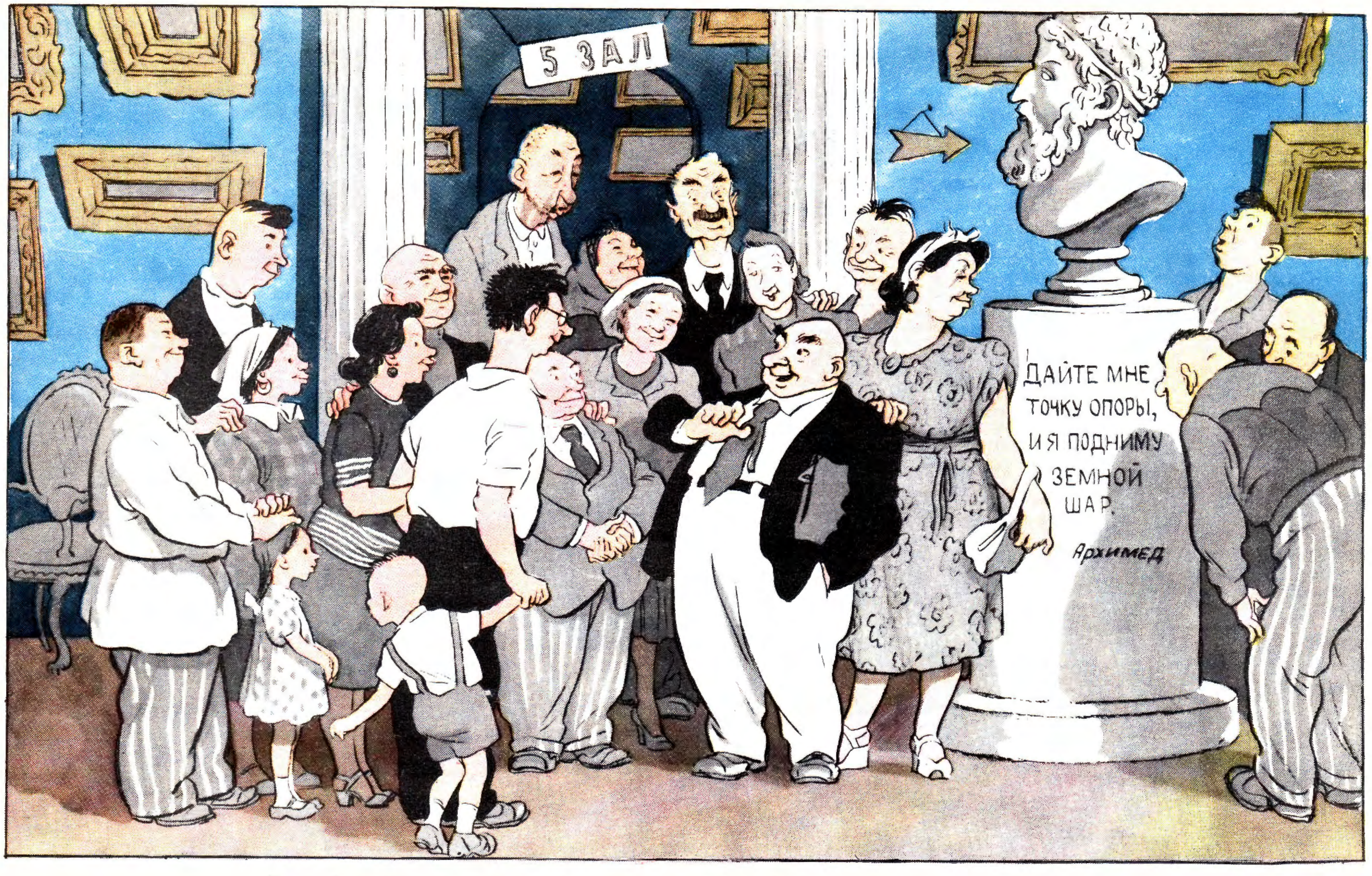
В связи с ростом цен на мясо в меню ресторанов некоторых стран Западной Европы включены блюда из конины.

Пара гнедых! Вас причислить едва ли
Можно к разряду изысканных блюд...
Вас к ресторану всегда подавали,—
Вас в ресторане теперь подают!

Мих. ПУСТЫНИН

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

РОДНЯ В МУЗЕЕ.

— Если бы мне дали точку (торговую), я бы на неё всех вас устроил.

САМОДУР С ПРЕТЕНЗИЯМИ

Приятно видеть, как в утренние, ещё прохладные часы Иван Иванович Степанов торжественно вступает на территорию Ставропольского педагогического института. Сразу видно, что прибыл директор, хозяин, глава.

Ещё более отрадно наблюдать, как в скучные часы повседневных уроков во дворе происходит некая идиллия: Иван Иванович, полностью доверив педагогам всю работу с шумным студенческим племенем и отринув на время прочие директорские обязанности, подолгу стоит у бассейна и собственноручно кормит рыбок.

Конечно, находятся остряки и насмешники (из числа наименее сознательных студентов), которым ничего не стоит высказать по адресу своего рыболюбивого директора насмешливые замечания, вроде: «О рыбах заботится, а до студентов дела нет» или «Товарищ директор, не хватит ли нежиться у бассейна, взгляните, что делается в общежитии!»

Но Иван Иванович спокоен. Ему незачем идти в общежитие. Он и так знает, что там зимой печи дымят, студенты находятся в холоде и сырости. Чтобы приготовить обед, они долго стоят в очереди на кухне, а обедают, за неименем столовой, в спальнях.

Директору недосуг заниматься этими бытовыми мелочами. Он заботится о более высоком уровне духовной культуры студентов: приобрёл для института на десять тысяч рублей репродукций с картин и гипсовых статуэток, изображающих обнажённых греческих богинь.

Мы понимаем, почему Иван Иванович с философским спокойствием выслушивает толки о безобразиях в институте. Его правота — это утёс, о который разбиваются все обвинения. Злые языки утверждают, например, что в институте слабо поставлена научно-исследовательская работа и дирекция не отпускает средств на экспериментальные исследования. Неправда! В прошлом учебном году, например, расходы на научные эксперименты достигли крупной суммы — тридцати четырёх рублей...

Сам И. И. Степанов активно занимается научной работой. Правда, написанная им диссертация на тему «Поощрения и наказания в советской школе» не была допущена к защите, так как официальный оппонент профессор Шимбирёв указал, что она «не представляет собой научного исследования, не вносит чего-либо нового в поставленную проблему, содержит много грубых ошибок, методологически порочна».

Но Иван Иванович, тем не менее, поместил несколько глав из своего труда в «Учёные записки», издаваемые институтом, и тем самым, несомненно, повысил их научное значение.

Иван Иванович гордо отражает нападки тех, кто уверяет, что он будто бы никудышный директор. Обвиняют его в том, что он не занимается учебной работой. Заведуя кафедрой психологии (без соответствующей подготовки), он будто бы занятий не посещает, весьма редко бывает и на уроках других педагогов, и потому, мол, страдает работа многих факультетов и кафедр.

Точные данные опровергают и этот домысел. Редко! Восемь визитов за учебный год — это разве редко? Причём каждый из этих визитов проходит ярко и оставляет большое впечатление. Или директор гневен, тогда он делает отрывистые, лаконичные записи: «жуть», «позор», «ужасное школярство». Или он в отличном настроении, тогда в его записях появляются такие замечания: «Экзамен проводился правильно. Обнаружена целая кипа шпаргалок».

Нет, Иван Иванович не жалеет времени для института. Правда, он, как правило, уходит с работы в четыре — пять часов.

Но зато был случай, когда он, намереваясь проверить охрану, появился в институте глубокой ночью... замаскированным под призрак (!!).

Дежурная вахтёрша, увидав в полутьме коридора кривляющуюся фигуру, облечённую в белый балахон, испытала столь сильное потрясение, что лишилась языка. Это понятно! Обладая слабо развитым чувством юмора, она не могла оценить прелесть шутки своего начальника!

Утверждают, что за время пребывания И. И. Степанова на директорском посту работа института резко ухудшилась, хотя директор не жалеет сил на окрики, на угрозы, выговоры и т. д. Почему-то увеличивается отсев студентов, а количество неуспевающих по сравнению с прошлым годом выросло вдвое.

Много и часто говорят и о том, что народные учителя, выращенные Ставропольским институтом, сплошь и рядом не соответствуют назначению, ибо очень плохо подготовлены.

Один из выпускников путает понятия «одушевлённый» и «осуществлённый» и считает, что «сессия» и «секция» — это одно и то же. На вопрос: «Членом какого союза состоите?» — молодая учительница написала в анкете: «Состою членом Союза ВЦСПС».

Виноват ли в этом И. И. Степанов? Он, во всяком случае, виновным себя не считает. На заседании совета института после того, как его работу единодушно осудили, директор кротко ответил: «Если товарищи не хотят сплачиваться вокруг меня, то я в этом своей вины не вижу!»

Что здесь будет дальше? Отчислят ли из института весь педагогический состав, не сумевший сплотиться вокруг директора, или наладят работу отстающего института,— покажет будущее!

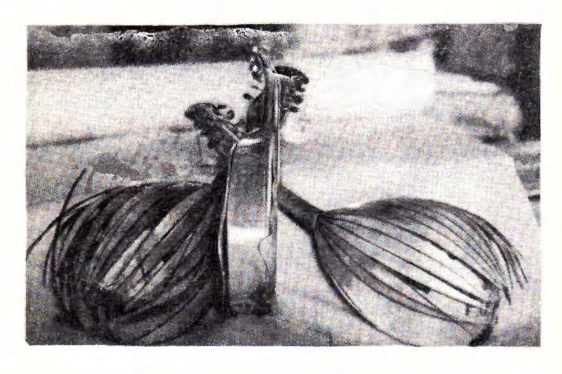
Ольга ПОЗДНЕВА

И ЖИТЬ ТОРОПИТСЯ, И ЧУВСТВОВАТЬ СПЕШИТ...

Рис. Г. ВАЛЬКА

— Ну, вот, Леночка, мы и познакомились. Куда теперь пойдём?
— Как куда? В загс...

фото-витрина

«МУЗЫКАЛЬНЫЙ МОМЕНТ»

«Музыкальный момент» в данном случае был самым коротким. Когда на Котовской межрайонной базе Одесской области распаковали ящики с музыкальными инструментами, глазам изумлённых получателей предстали мандолины, гитары, балалайки с отклеившимися грифами, с рассохшимися деками, с растопыренными планками. Струны на них жалобно дребезжали.

Невредимыми остались только паспорта, в которых значилось, что изготовлена эта недолговечная продукция на Черниговской фабрике музыкальных инструментов.

«Пусть арфа сломана, аккорд ещё рыдает...» — поётся в старинном романсе.

Не о загубленном ли материале и впустую израсходованных средствах рыдает тот аккорд?..

АКУЛОВ ЗАВЕРЯЕТ...

— Дорогие товарищи, горячо благодарю за оказанную честь. Обещаю без устали бороться за выполнение наказов избирателей!

Так начал свою речь управляющий Ливенским отделением торга Александр Иванович Акулов. Он расстегнул ворот кителя, вынул из нагрудного кармана записную книжку и не спеша, но горячо стал говорить об обязанностях депутата, об ответственности за порученное дело, о связи с избирателями.

— Заверяю, товарищи, — сказал Акулов в заключение, — что буду чуток к голосу избирателей и оправдаю ваше высокое доверие...

А через неделю председатель окружной избирательной комиссии вручил Акулову удостоверение об избрании его депутатом Ливенского городского совета от 16-го избирательного округа.

...Минуло почти полтора года.

По настойчивому предложению исполкома горсовета Александр Иванович предстал с отчётом перед своими избирателями.

Отчитывался Александр Иванович с воодушевлением. Он подробно рассказал о работе, проделанной горисполкомом, об очередных задачах и в заключение скороговоркой, скромно и без воодушевления, пролепетал несколько слов о своей личной депутатской работе. Под конец бодрым голосом произнёс:

— Но я заверяю вас, товарищи избиратели, что все ваши наказы претворю в жизнь. Ваше доверие я оправдаю!..

Акулов торопился. В спешке он забыл рассказать, что числится в списках постоянной комиссии по торговле и местной промышленности, но на заседаниях комиссии не бывает и никаких поручений не выполняет. Сколько раз к нему обращались, усовестить пытались, а он всё своё: «Да поймите же наконец, некогда мне! Одних торговых точек сколько! Еле-еле управляюсь!» А в последнее время вместо отговорок придумал новый способ увиливаний. Как только звонят ему из исполкома, сразу же в ответ ласковый голос: «Александра Ивановича нет, они в командировке». Так секретарь управляющего выручает своего начальника.

...Александр Иванович встретил нас приветливо, предупредительно;

— Вы насчёт моих депутатских обязанностей? Могу пояснить: торговля — вещь трудная, щепетильная. Впору бы со своими служебными делами управиться... Вы спрашиваете, по какому округу я избран? Честно скажу, не помню, запамятовал. Слыхал ли о жалобах и предложениях избирателей Касторновой, Шебановой, Бородиной, Кузьминой, Жарской? Признаюсь: нет, не слыхал... Кстати, о чём они хоть пишут? О снабжении электроэнергией, ремонте квартир, благоустройстве улиц? Постойте, а эти улицы входят в мой округ?

Затем, спохватившись и, видно, горько сетуя в душе на свою чрезмерную откровенность, Акулов торопливо начал рассказывать:

— Что это я сам на себя наговариваю! Человек я не чёрствый, о людях думаю, забочусь... Вон помог Шустовой, Елисеевой, Дееву в завозе топлива и вспашке огородов.

— Так это ведь работники торга. Шустова — кассир, Елисеева — машинистка, Деев — возчик!

— Правильно, мои подчинённые!

— И делали это вы по долгу службы, а не как депутат.

— Да поймите же, работник я ответственный, участок-то доверили мне какой! Порой так занят, что передохнуть — и то нет времени... Но я от всей души заверяю...

Мы оставили просторный кабинет, где восседал депутат 16-го округа. А вслед нам неслось:

— Я заверяю...

В. КОМОВ

г. Ливны,
Орловской области.

В. ГРАНОВ

ЦЫПЛЯТА ЗА ПАРТОЙ

Этим летом директор зерносовхоза имени Крупской тов. Чесноков распорядился поместить в здании школы три тысячи цыплят, из-за чего школа долго не ремонтировалась.

Г. НИЗКОДУБ,
собкор газеты «Ульяновская правда».

г. Мелекес,
Ульяновской области.

Цыплят по осени считают...
Но в школе, кстати говоря,
Считать цыплят не подобает,
За парты их сажают зря.

Цыплята школе ко двору ли!
Мы зададим вопрос в упор.
Напрасно Чесноков в июле
Устроил в школе... птичий двор!

ГОРЕ-САДОВОДЫ

Краснопресненская фабрика настольных игр (Москва) выпустила детское лото «Наши растения». На картинке нарисован картофель, а подпись гласит, что это ноготки; изображён колос овса, а подписано «Земляника садовая», и т. д.

Б. ЗАЯКИН

г. Барнаул.

Преподнесли ребятам новые,
Оригинальные труды.
Здесь вовсе не плоды садовые,
А... бракоделия плоды!

НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ...

Сотрудники Андижанской областной библиотеки не могут пожаловаться на то, что им приходится работать в некультурных условиях. За дощатой перегородкой, отделяющей микроскопическую комнатку, где ютится библиотека, расположились местные лекторы из Общества по распространению политических и научных знаний. Люди, бесспорно, культурные и по своей профессии разговорчивые: спорят по разным научным вопросам до хрипоты. Машинистка у них пулемётной дробью выстукивает тезисы лекций. Лекторам, как говорится, и книги в руки, а книги у них под рукой. Очень даже удобно! Зато библиотекари не избалованы удобствами: работать невозможно! К тому же библиотека лишилась своего книжного фонда: помещение с десятками тысяч книг опечатано пожарным ведомством...

Заскучали библиотекари. Попросит читатель какую-нибудь монографию, а книга-то за семью печатями. Приходится изворачиваться:

— В целях безопасности, вернее, ввиду пожарной опасности, книгу в настоящее время выдать не можем. Придётся подождать.

И читатели ждут. Никто из отцов города не проявляет отеческой заботы о том, чтобы предоставить библиотеке удобное и безопасное в пожарном отношении помещение:

— Куда спешить-то? Не горит!

В мае андижанские библиотекари отмечали небольшую, но печальную дату — скромный юбилей четырёхлетней тяжбы с разными учреждениями, то и дело занимавшими их прежнее помещение.

На стороне работников библиотеки сплочённым фронтом выступали все областные руководители.

— Защитим очаг культуры, не дадим погасить светоч знания! — вдохновенно декламировали они и незамедлительно писали решения.

За четыре года об Андижанской библиотеке были приняты два постановления Совета министров Узбекской ССР, четыре постановления облисполкома, одно постановление горисполкома. В постановлениях писалось:

«Вернуть библиотеке её помещение в суточный срок».

К сожалению, эти сутки чересчур затянулись. Так и по сей день лежат 50 тысяч томов в опечатанном местными брандмейстерами книгохранилище.

...На всякий пожарный случай, ежели работники Андижанского обкома партии пожелают ознакомиться с положением областной библиотеки, сообщаем им самый точный адрес: и обком и библиотека находятся в... одном и том же здании!

Вл. СИТОВ

г. Ташкент.

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ

ГРОЗА НАД КНЯВИЧАМИ

Невозмутимо текла жизнь в селе Княвичи, Жирятинского района, Брянской области. Колхозники трудились на полях, учителя местных школ экзаменовали своих питомцев, бойко торговал магазин сельпо... Между тем над селом нависла туча. И разразилась гроза! Районная газета обрушила на княвичан ливень гневных слов и упрёков.

Первый удар из грозовой тучи обрушился на колхоз имени Орджоникидзе.

В заметке «Больше внимания распространению печати среди населения» сообщалось: «Правление колхоза не проявляет никакой тревоги за судьбу урожая... Дисциплина в бригадах расшатана... Партийная организация ослабила массово-политическую работу.

Затем громовые раскаты прокатились над княвическими школами.

«...На низком идейном уровне,— грохотала газета,— ведут работу учителя Княвической семилетней школы. Пора бы обсудить вопрос о таких учителях, которые из подлинного советского учителя превращаются в обывателей, не участвуют в общественной работе, отмахиваются от всякой работы с населением, плохо воспитывают детей».

Окатив ушатом холодной воды учителей, районная газета обрушилась на княвичских комсомольцев, на медицинских работников, на работников прилавка:

«Тов. Чеботарёв, загляните в комсомольскую организацию, она накануне развала!»

«Председатель сельского совета тов. Блошенков, загляните в правление сельпо и медпункт, которые находятся на территории вашего сельсовета! Здесь свиты обывательские гнёзда».

В работе сельских организаций, естественно, были недостатки, но не этим жители села Княвичи навлекли на себя гнев редактора жирятинской газеты тов. Киреева.

Оказывается, ни председатель колхоза, ни другие колхозники «не выписали на июнь районную газету «Коммунист».

«Прекратил подписку на районную газету директор школы... за ним вслед учителя...»

То же самое случилось в сельпо и на медпункте.

Отсюда и все беды! Отсюда и гнев редакторский!

Однако гневно-устрашающая статья не принесла ожидаемых тов. Киреевым результатов. Княвические колхозники, учителя и медработники не организовали очередь у окошка «Союзпечати», не умножили число подписчиков районной газеты.

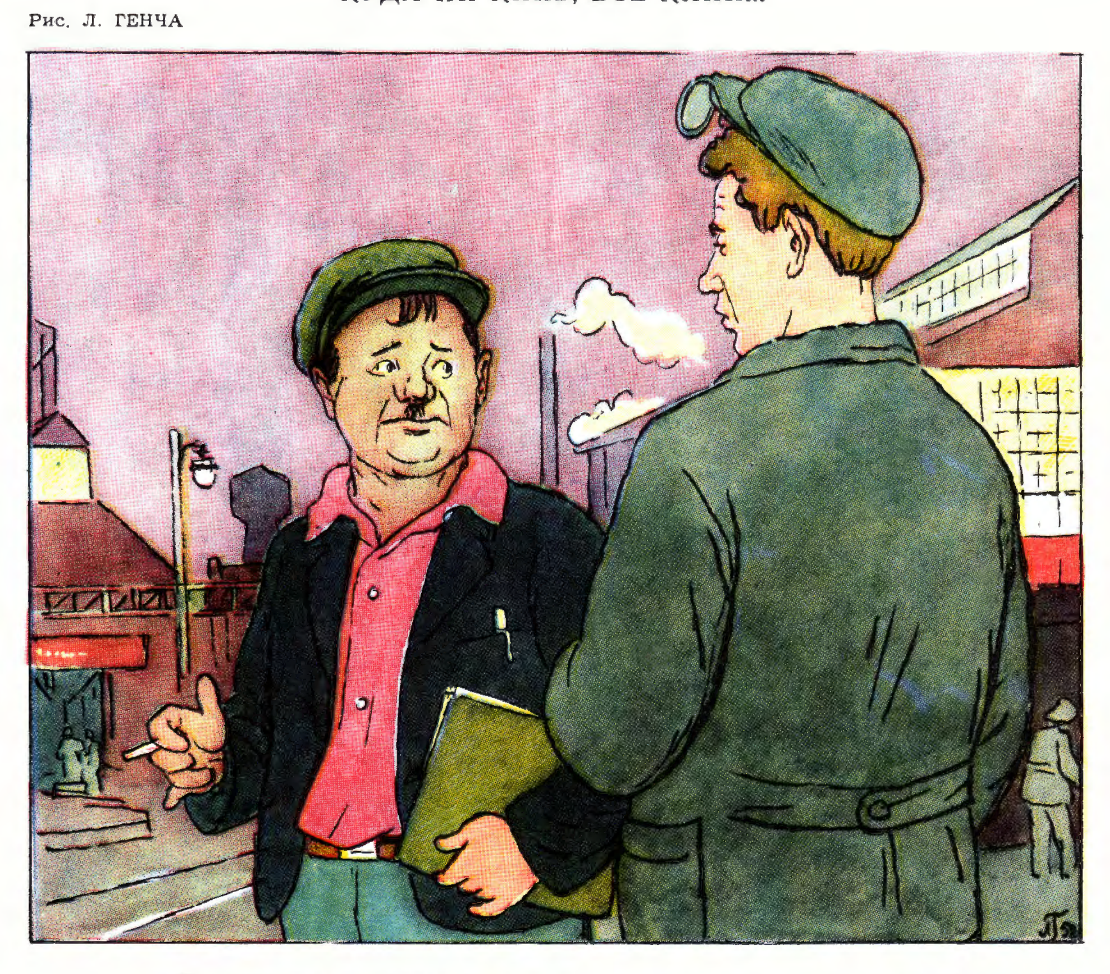
— Куда легче один раз выслушать брань товарища Киреева, — говорили они, — чем несколько раз в неделю читать неинтересную газету.

г. Брянск.

Л. АРКАДЬЕВ

КУДА НИ КИНЬ, ВСЕ КЛИН...

Рис. Л. ГЕНЧА

— Почему вы, товарищ Куницын, не повесите доску почёта!!
— А зачем! Всё равно я на неё не попаду...
— А почему нет стенгазеты!
— Ещё чего! Того гляди, в неё попадёшь!

Рис. Е. ГОРОХОВА (По теме И. Карамышева, Москва)

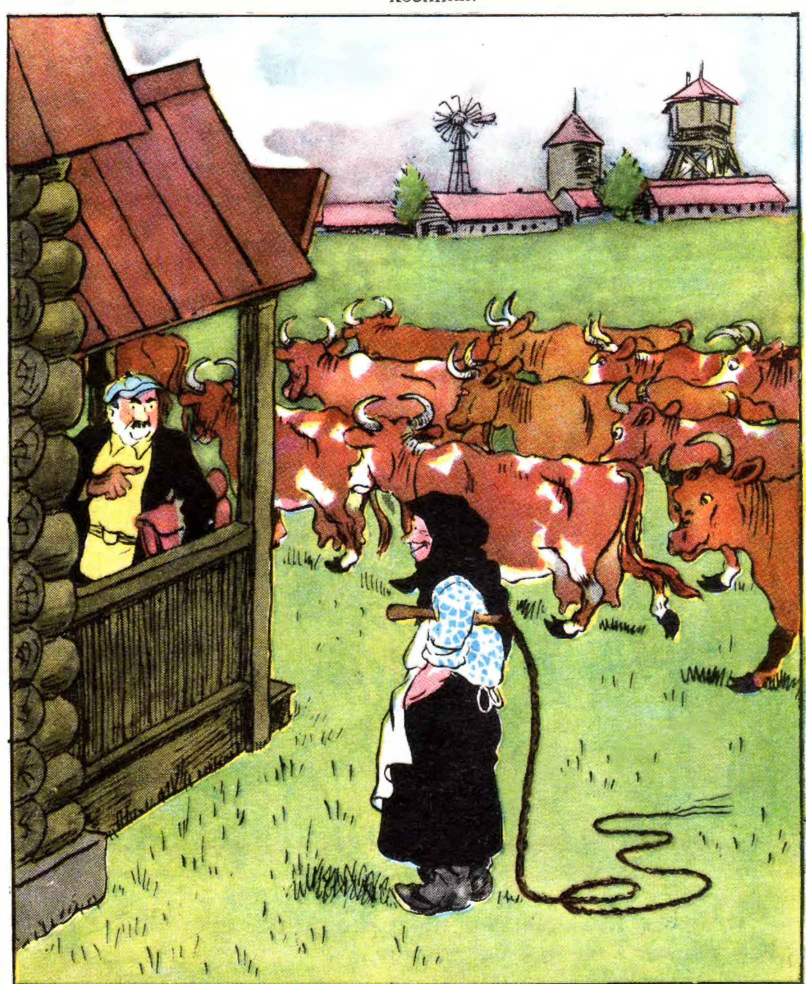

— Говорят, что ваша докторская диссертация слабее, чем кандидатская.

— Ещё бы! Ведь кандидатскую работу мне написал мой отец, будучи уже доктором наук, а докторскую написал я сам, являясь всего лишь кандидатом.

Рис. Е. ВЕДЕРНИКОВА

В ряде районов Смоленской области в колхозах нет постоянных пастухов. Каждый день скот пасут разные колхозники.

— А куда скот пасти выгонять!

— Бык покажет, не в первый раз идёт!..

ЖИГУЛИ

Слова Сергея Смирнова Музыка Вячеслава Волкова

Примечание: 2, 3 и 4 куплеты исполнять с сокращенным припевом: от знака ✥ на знак ✥

Я вдоль по Волге странствовал, бывало,
На Волге годы юности прошли.
Мне песенка покоя не давала:
«Ах, Жигули, мои вы Жигули!..»

Но жить, как прежде,— это очень узко.
И мы к простому выводу пришли,
Что Жигулям неплохо дать нагрузку.
«Ах, Жигули, мои вы Жигули!..»

Такой подход для пользы дела важен.
Мы скоро нефть на Жигулях нашли.
Она летит фонтанами из скважин.
«Ах, Жигули, мои вы Жигули!..»

Настанет день — не за горами это,—
Плотина здесь украсит грудь земли,
И наша Волга даст потоки света.
«Ах, Жигули, мои вы Жигули!..»

Здесь будет море, созданное нами.
Сюда придут любые корабли.
И зазвучит над пенными волнами:
«Ах, Жигули, мои вы Жигули!..»

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Работники жилищно-коммунального отдела нашего автозавода с необыкновенной лёгкостью берут на себя обязательства, но, когда дело доходит до их выполнения, оказываются тяжёлыми на подъём.

В прошлом году по коллективному договору коммунальники должны были оборудовать в нашем доме лифт. За год дело с этим подъёмником не сдвинулось с места ни в горизонтальном, ни в вертикальном направлении. Зато пункт об его устройстве передвинулся в коллективный договор 1952 года. Прошло две трети и этого года, но о лифте снова ни гу-гу!

Как бы, дорогой Крокодил, поднять наших коммунальников на выполнение их обязательств? Им ничего не стоит переместить пункт о лифте в коллективный договор на следующий год, но нам от этого не будет легче подниматься на восьмой этаж.

КУЛИКОВ Н. П.,
ЕФРЕЙТОРОВ В. И.
и другие

г. Горький.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Если ты, случайно заглянув к нам, подумаешь, что попал на колоссальный склад лесоматериалов, не верь первому впечатлению. Правда, ты увидишь чуть ли не четыре тысячи кубометров леса, разбросанного и гниющего под открытым небом, и всё же у нас не склад, а рудник. Рудник, заваленный неиспользуемым лесом.

Ты, конечно, возмутишься и спросишь: зачем же тогда навезли на рудник столько леса, если он не используется и пропадает?

Никто не сможет тебе толком ответить на этот вопрос. И мы возмущались и спрашивали об этом руководителей рудника т. Антошина и Зымалёва, но они над этим вопросом не задумываются, а знай себе завозят леса каждый месяц в два — три раза больше, чем требуется.

— Запас кармана не дерёт!— бодро твердят они.

Если речь идёт об их личных карманах,— это справедливо, но напомни им, дорогой Крокодил, что существует ещё и государственный карман. В нём-то их запас делает солидную прореху.

Н. КОВАЛЕНКО

Рудник имени Фрунзе
Криворожского железорудного
бассейна.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

В фельетоне «Ревизоры», опубликованном в № 18 Крокодила, рассказывалось о грубом нарушении Устава сельскохозяйственной артели руководящими работниками Брагинского района, Полесской области.

Фельетон обсуждался на заседании бюро обкома КП(б)Б.

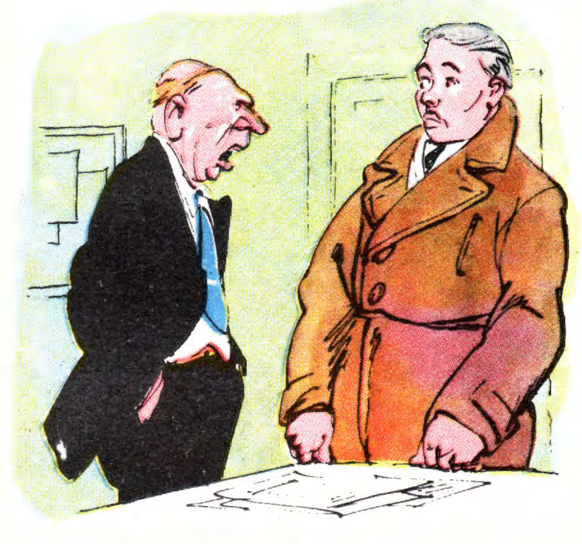
Первому секретарю Брагинского райкома КП(б)Б тов. Пенькову объявлен выговор, заместителю начальника областного управления сельского хозяйства тов. Корнюшко объявлен выговор с предупреждением.

Наложены также взыскания на остальных лиц, указанных в фельетоне.

Заготовитель Малейковского сельпо Бухман с работы снят. В отношении Бухмана и заготовителя Раслина прокуратурой ведётся расследование.

Крокодильская смесь

Рис. Ю. УЗБЯКОВА

— А почему я с вами должен быть вежливым! Что вы, мой начальник, что ли!

Работает с «огоньком».

(Тема Ю. Семёнова, Москва.)

Поступает много жалоб на качество красок, выпускаемых фабрикой «Красный художник».

— Разве этими красками отобразишь все эти краски!!

— Павел Иванович, извините рыбку: она по ошибке не у вас клюнула.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во „Правда". Адрес ред.: Москва, 40, ул. „Правды", 24. Тел. Д 3-33-47, Д 3-32-50. Приём ежедневно с 13 до 17 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц.

Москва. Изд. № 671. Подписано к печати 22/VIII 1952 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А 04472. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 2141. Тираж 300 000 экз.

ГРАБЕЖ В КРЕДИТ

Рис. А. БАЖЕНОВА

— Кошелёк или жизнь!
— Но у меня ничего нет!..
— Я дам взаймы...